Г. В. Калашников
(*Санкт-Петербург*)

МАГИЯ СЛОЖНОГО: К АНАЛИЗУ СТРУКТУР СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГЕРБОВ

За последнюю четверть века в России введено в официальное обращение около 4000 муниципальных гербов. Примерно 400 из них – восстановленные старинные[1] гербы, прочие – бо́льшая часть – созданы в наши дни. Подобный бум герботворчества[2] уникален: в отечественной истории никогда не создавалось такого количества гербов за столь короткое время, да и в международной практике сопоставимые примеры если найдутся, то не будут многочисленны. Несомненно, геральдический феномен современной России любопытен с точки зрения исследователя и критического анализа.

Любопытна ситуация, в которой складывается современное российское герботворчество. Впервые в отечественной истории геральдика развивается, так сказать, «естественным» путем, то есть когда гербы принимаются самими владельцами, причем их голос в вопросах создавать или не создавать герб и каковым ему быть является не формальным, но решающим. Свобода выбора гербовладельцев ограничена законодательно установленной обязанностью государственной регистрации гербов. Осуществляет эту регистрацию Геральдический совет при Президенте Российской Федерации (посредством внесения гербов в Государственный геральдический регистр Российской Федерации), выдвигающий определенные профессиональные требования к гербам, являющиеся непременным условием их регистрации.

Здесь мы приходим к главному конфликту современного герботворчества (и в целом нынешнего российского геральдического строительства) – конфликту между общественными взглядами на гербы и профессиональным подходом к их составлению. В начале 1990-х годов, когда в России была установлена муниципальная система местного управления и законодательно подтверждено право муниципальных образований иметь гербы, когда проявилось и стало довольно быстро усиливаться стремление муниципалитетов этим правом воспользоваться, остро встала проблема профессионализма. Ремесленные геральдические знания, то есть умение создавать гербы, обеспечивая им эксплуатационную практичность, во все времена были уделом немногих специалистов, в России же даже и сегодня людей, не то что умеющих разрабатывать гербы, но хотя бы просто понимающих, что такое герб и зачем он нужен, единицы. Четверть столетия назад их было еще меньше. А самое главное, массовые пользователи не знали не только о существовании таких специалистов, но и о геральдике-ремесле не имели понятия, считая герб (и любой другой геральдический знак) формой свободного творчества.

Свобода творчества всегда была, есть и будет понятием риторическим. Эта свобода ограничивается определенными рамками – влиянием школы, стиля, моды, одним

словом – уровнем общественного культурного развития. Определенный багаж геральдической «культуры» (здесь мы намеренно берем слово «культура» в кавычки) наличествовал и в российском обществе начала 1990-х годов, причем за прошедшее с тех пор время содержание этого багажа изменилось незначительно.

Сформировала такой багаж советская геральдическая практика. Внутри этой практики определяющими для нашей темы являются три составляющие:

– доминанта государственного герба СССР;

– городские псевдогербы[3] 1960–1980-х годов и значки с гербами;

– серьезность.

Доминанта государственного герба – причем именно государственного герба СССР – явление, вроде бы, очевидное, но во всей своей глубине до настоящего времени не изученное и не оцененное. Понимая смелость такого утверждения, рискнем заявить, что в разрушении традиционных общественных взглядов на геральдику – разрушении решительном и победоносном, разрушении еще отнюдь не преодоленном и едва ли преодолимом вообще (причем не только в национальном, но и в мировом масштабе), этот герб – и только он – сыграл роль колоссальную, даже, может быть, эпохальную.

Этому гербу мы обязаны утверждением общественного стереотипа о понимании герба вообще как зашифрованного тематического послания, как идеологического ребуса, как визуальной формы сообщения политической программы. Герб СССР воспринимался обществом (и преподносился ему официальной пропагандой) не как опознавательный знак[4], а как «символ» в значении символа как изображения, ценного своим подтекстом.

Отсюда родилась неколебимая убежденность большинства наших соотечественников в том, что герб должен что-то «значить», что он должен рассказывать о своем владельце, что в этом рассказе и заключается его смысл. Сама по себе эта убежденность не так страшна, даже не то чтобы ошибочна. Так или иначе, вопрос о символизме и толковании гербов существует столько же, сколько и сами гербы. Страшно же то, что вопрос о толковании в современном общественном сознании применительно к гербам занимает не второе, как следовало бы, но первое место, причем это первое место, как правило, является и единственным. Мысль о том, что герб – это прежде всего опознавательный знак, призванный визуальными средствами отличать владельца от других, – мысль, вроде бы, элементарно простая и безобидная – российскому общественному сознанию чужда и даже враждебна. Следующий же из нее вывод, что не так уж важно, чем наполнен герб, важно лишь, чтобы он был оригинален и функционален, воспринимается и вовсе как нетерпимая ересь.

Вторым следствием доминанты герба СССР является разрушенное им представление о традиционной структуре герба и внедрение стойких – противных классической геральдике – стереотипных представлений о том, что и как в гербе может и должно быть.

Начнем с того, что герб СССР не имел щита, и потому самая первая из основ классической геральдики – «азы», с которых все начинается, – оказалась расшатана и ниспровергнута. До сих пор любой геральдический разговор с неподготовленным собеседником приходится начинать с объяснения азбучной истины о необходимости заключения герба в щит. Причем положение это весьма нелегко для усвоения неспециалистом. Самой яркой составляющей герба СССР с точки зрения визуального восприятия был венок из колосьев. Колосья советского герба произвели какое-то мистическое воздействие на общественное геральдическое сознание. Видеть эти колосья в своем гербе сегодня желает если не каждый приступающий к созданию герба муниципалитет,

то уж четыре из пяти безусловно. Сложно объяснить инициаторам создания герба, что существуют и иные способы геральдически указать на сельское хозяйство (а уж тем более на отвлеченные коннотации, вроде богатства, хлебосольства, мирного труда и т. п.), что само по себе занятие сельским хозяйством в большинстве случаев не повод для эмблематической фиксации! Преодолеть общественное пристрастие к колосьям почти невозможно. Каждый свободный от колосьев современный муниципальный герб – памятник самоотверженному мужеству его разработчиков. Герб СССР содержал картографические мотивы, в частности географический контур территории СССР, и это породило еще один – не столь мощный, как в отношении колосьев, но существенный ментальный штамп: стремление вводить в гербы контуры территорий. Преодолевается он легче, но тоже является проблемой профессиональных разработчиков.

Герб СССР изобиловал надписями. Как следствие – общественное представление об уместности и допустимости наличия надписей в гербах.

Наконец, герб СССР был сложен, изобиловал фигурами, цветами и художественными планами. Отсюда – подсознательное пристрастие общества к сложности, многоцветию и многоплановости любых других гербов.

Вроде бы перечислено не так много позиций влияния герба СССР на общественные геральдические представления. Но эти представления сами по себе составляют отнюдь не глубокий и многослойный пласт знаний, а как раз и заключаются в немногочисленных, но крайне стойких предрассудках. И именно эти предрассудки являются в конечном итоге тем, что определяет облик геральдического мира, в котором мы живем сегодня.

Во втором пункте мы объединили два, казалось бы, несопоставимых явления – советские городские псевдогербы 1960–1980-х годов и увлечение значками с гербами, развившееся в тот же хронологический период. Однако на формирование общественной геральдической культуры оба этих фактора оказали влияние одновременное и комплексное, причем значки, может статься, даже более сильное, чем псевдогербы.

Увлечение созданием городских псевдогербов 1960–1980-х годов – явление крайне интересное. Силы, которые привели этот процесс в движение, остаются непонятными. Псевдогербы не имели сферы применения, кроме сувенирной и декоративной, они разрабатывались и утверждались, и процесс этот в 1970-х годах стал массовым. Создавались эти знаки главным образом местными художниками, источниками геральдических знаний для которых служили альбом Н. Н. Сперансова[5], публикации в журнале «Наука и жизнь», упомянутые уже значки и гербы близких или соседних территорий. Неудивительно, что вследствие этого массив псевдогербов сложился в целом однородным, и эта однородность послужила базой для формирования таких общественных взглядов на герб вообще:

1. Герб – это непременно композиция в геральдическом щите так называемой французской формы. Именно «французская» форма щита и есть то единственное, что определяет герб и отличает его от «не герба». Иными словами, любое изображение, помещаемое во «французский» щит, становится гербом.

(Любопытно, что среди псевдогербов встречаются – и они далеко не единичны – символы в щитах иной формы. Но в отношении формирования общественных взглядов на герб они играют роль исключения, подтверждающего правило.)

2. Герб должен быть сложным, желательно – четырехчастным. Если первое объяснимо (влияние герба СССР создает взгляд на гербы как на некое информационное

послание, в котором содержатся идеологические посылы, предполагающие, например, непременную декларацию союза промышленности, сельского хозяйства, науки и т. п.), то второе – более чем странно. Откуда появилась четырехчастность – загадка для будущих исследователей. Распространение же ее предположительно можно объяснить, с одной стороны, оригинальностью для советского официального визуального пространства (и следующей отсюда художественной привлекательностью), с другой стороны, удобством для смыслового наполнения (четыре части – четыре темы и отсутствие проблемы с увязыванием их в единую композицию).

3. Герб должен быть информационно насыщенным, причем его рассказ должен сосредотачиваться преимущественно на настоящем времени, во вторую – на общегосударственных идеологических посылках и информационных мифах. Местная оригинальность и историческое наследие так или иначе присутствуют в значительной (хотя и не большей) части псевдогербов. Но необходимыми они не считались, более того, во многих случаях рассматривались как нечто нежелательное и даже опасное.

Здесь необходимо помнить, что в советском понимании вся страна ориентировалась на прогрессивное строительство социализма дружным союзом рабочих, крестьян и интеллигенции, а следовательно, и его знаковое отражение должно было стать – и стало – весьма однообразным. Шестерни, строительные краны, абрисы заводских корпусов как промышленность, колосья как сельское хозяйство, колбы и атомы как наука – вот вульгаризованный, но верный набор элементов, которыми оперировали псевдогербы. И этот набор со временем обратился в ментальный штамп: герб должен рассказывать о сегодняшнем дне общеизвестными средствами, причем рассказывать объемно, ничего не упуская.

Приведенные пункты вступают в конфликт с тем, что мы говорили о государственном гербе СССР: он уничтожил представление о щите как непременной части герба – и тут же утверждение, что все понимание герба сведено к щиту определенной формы. Как возможно, чтобы два взаимоисключающих представления одновременно сосуществовали в общественном сознании? Ответ тут должны давать не мы, но специалисты по социологии и психологии, однако такое сосуществование не только возможно, но естественно и повсеместно. Так сосуществуют вера в Бога и страх смерти, понимание вреда алкоголя и склонность к пьянству, любовь к детям и способность поколотить их – список можно продолжать бесконечно. В приложении к гербам, естественно, упрощая положение дел, можно свести общественные представления к формуле: щит не обязателен, но если щит – то только «французский».

В этом утверждении торжества «французского» щита сыграли свою роль – возможно, решающую – значки с гербами. Появились такие значки в 1960-х годах. Посвящались они главным образом старинным гербам российских городов и представляли собой цветные воспроизведения данных гербов по рисункам из сборника П. П. фон Винклера[6] с добавлением надписи – названия города – над верхним краем щита. Выпущенные сперва как незначительный вид сувенирной продукции, значки быстро обрели популярность и как сувениры, и как предмет коллекционирования, причем в последнем своем значении породили целое движение «коллекционеров-геральдистов». Количество таких значков и их разновидности росли год от года; выпускались среди них и значки с псевдогербами 1960–1980-х годов, но лишь как продолжение и развитие привлекавшей наибольшее общественное внимание – старинной – тематики.

Необходимо понимать, что в 1970–1980-х годах значки стали самым массовым и доступным носителем информации о гербах, существовавшим в СССР. Скудные и редкие публикации о гербах того времени становились достоянием лишь немногих увлекающихся. Увидеть герб в обычной жизни можно было исключительно на значках. Причем количество этих значков было так велико, что в 1980-х годах в столичных и областных городах практически не было школьника, в «домашнем имуществе» которого не нашлось хотя бы одного-двух таких значков (если у кого-то таких значков не было, то встретить их можно было у товарищей или в местах продажи сувениров). Именно эти значки стали основным средством формирования общественных представлений о гербе вообще, и о старинном, так сказать, «традиционно геральдическом» гербе в частности. Как следствие значки породили или способствовали утверждению в общественном сознании следующих представлений о гербе:

1) герб – это непременно щит «французской» формы;
2) герб содержит надпись-название;
3) края гербового щита и поля составных гербов нуждаются в обведении каймой.

Последний пункт весьма любопытен. Значки, как правило, изготавливались в технике горячей эмали. Соответственно, каждый цветной участок значка нуждался в обведении выпуклым бортиком (рантом). Поскольку иных изображений гербов, доступных массовому сознанию, не существовало, то значки стали восприниматься не как значки, но собственно как гербы и все их составляющие – как непременная и обязательная часть гербовой композиции. Неизбежные на значках технические ранты начали пониматься как естественная и необходимая часть гербов вообще.

Третьей определяющей составляющей формирования общественных воззрений на гербы мы назвали серьезность. Вроде бы данное понятие не имеет отношения к геральдике, истории, знаковой практике. Но для нашей темы оно крайне важно. Без внимания к этой теме мы не сможем понять и оценить в полной мере движущие силы современного герботворчества.

Скажем коротко – советская власть была серьезна и сообщила серьезность всему официальному. Шутка в советских официальных условиях допускалась лишь как привилегия (и весьма редко реализуемая привилегия) больших начальников. Улыбка и смех – лишь как реакция «собравшихся» на вышеупомянутую шутку. Всякое дело, связанное с властью, надлежало делать серьезно, и если реакцией на это дело был смех, веселье, остроты, просто улыбка, то дело понималось как выполненное неудовлетворительно, а позиции самой власти – как подорванные. Власть боялась смеха, категорически не желала его допускать. Боится и сегодня. «Над нами смеяться будут» – самый убийственный и неопровержимый аргумент власть имущих, самая крайняя степень их страха. Порицание, протест, ненависть, слезы, открытое противодействие – всего этого власть не боится ни в малейшей степени. Но сделать что-то, над чем станут смеяться, для власть имущих все равно что совершить политическое самоубийство.

Муниципальные гербы принимают люди, обличенные властью, – главы местных администраций и депутаты представительных органов самоуправления. И они боятся казаться смешными, следовательно, и гербы хотят видеть «серьезными», лишенными малейшей черты, допускающей творческое восприятие, фантазию и их непременное следствие – юмор. Конечно, не везде и не всегда, но как общее правило создаваемые гербы выхолащиваются и обезличиваются в значительной степени вследствие страха

перед смехом и улыбкой. Герб – часть официального быта, а в нем российское общественное сознание не желает отводить места веселости.

Рассмотрев общественные представления о гербах, обратим внимание на профессиональный подход к их разработке.

В 1992 году в Российской Федерации была создана Государственная геральдическая служба[7] и декларировано проведение единой государственной политики в области геральдики. Служба должна была представлять собой квалифицированный институт, способный внести в стихийно развивавшийся процесс герботворчества (и в целом государственного геральдического строительства) профессиональное начало. В 1994 году служба была реорганизована в Государственную герольдию при Президенте Российской Федерации[8], в 1999 году – в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации[9].

Механизмов принудительного воздействия служба поначалу не имела вовсе. Ее влияние ограничивалось разъяснениями и профессиональными советами. С созданием в 1996 году Государственного геральдического регистра Российской Федерации[10] у службы появился определенный властный рычаг – отказ в регистрации некачественным знакам. В отношении муниципальных гербов этот рычаг значительно «усилился» в 2003 году, когда новой редакцией закона о местном самоуправлении[11] государственная регистрация муниципальных гербов была объявлена обязательной.

Тем не менее принудительные возможности государственной геральдической администрации остались ограниченными. Отказать в регистрации неудачному гербу служба может. Но навязать герб – нет (исключением являются случаи восстановления старинных гербов). Если герб неудачен, то Геральдический совет дает рекомендации по его исправлению, но, как правило, эти рекомендации сводятся к предложениям по ликвидации недостатков знака при максимальном сохранении избранного его владельцем эмблематического решения. Таким образом, влияние службы сводится к привитию азов геральдической грамоты, но весьма слабо сказывается на развитии геральдического вкуса.

Создаются гербы разработчиками, которых избирают сами муниципалитеты. В 1990-х годах тут встречалось немало непрофессиональных энтузиастов. В XXI веке создание гербов почти полностью перешло в руки профессиональных разработчиков.

Кто эти разработчики? В ряде субъектов Российской Федерации разработка ложится на плечи региональных геральдических комиссий. В состав таких комиссий (существующих при органах государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации), как правило, входят несколько специалистов-разработчиков, «тянущих» на себе основной груз забот по геральдическому обеспечению края. Примерами могут служить Рязанская, Тверская, Свердловская, Липецкая, Пензенская, Ульяновская области, Краснодарский край, Республики Татарстан, Башкортостан и Саха (Якутия).

В иных случаях муниципалитеты – при содействии региональных властей или без оного – прибегают к услугам разработчиков, предоставляющих свои услуги на коммерческих началах. Крупнейшим из таковых является Союз геральдистов России во главе с бессменным исполнительным директором К. Ф. Моченовым. Прочие разработчики либо сосредоточивают свои усилия в рамках отдельных регионов (например, К. Ф. Башкиров – Санкт-Петербург и Ленинградская область, В. Э. Коваль – Волгоградская область, И. Л. Проститов – Ставропольский край, В. А. Шипунов – Чувашская Республика), либо являются «свободными художниками», готовыми прийти на помощь любому муниципалитету. Границы тут, конечно, условны. «Свободное художничество» или коммерческая работа

не исключает членства в региональных комиссиях, сосредоточение на одном субъекте Федерации не препятствует работе и в других регионах и т. д. Случаются и исключительные ситуации: И. В. Ефимов – созидатель муниципальной геральдики Республики Марий Эл – хотя и занимал долгие годы пост герольдмейстера при президенте Республики, работал скорее вопреки, нежели в содействии, с республиканскими властями.

Работа как региональных комиссий, так и отдельных разработчиков протекает в постоянном взаимодействии с Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и, как правило, строится не только на административных, но и на дружеских началах. Геральдика оказалась той уникальной областью, где не приживаются те, кто подходит к ней лишь как к работе, как к «бизнесу». Заметных успехов тут достигают только люди, для которых герботворчество становится личным делом, предметом прежде всего страстного увлечения и нелицемерной любви. Поэтому можно вполне основательно говорить о том, что круг лиц, занятых разработкой и внедрением гербов профессионально, составляет единое сообщество, исповедующее общие взгляды на любимое занятие.

Отсюда и рождается тот конфликт, который мы упомянули в начале: конфликт между профессиональным началом и общественными взглядами. Как бы авторитетен, квалифицирован ни был разработчик, результаты его деятельности представляют собой компромисс с депутатами и главами соответствующих муниципалитетов, взирающими на геральдику, как правило, с позиций общественных взглядов. Основные усилия разработчиков уходят не на то, чтобы найти оптимальное геральдическое решение герба, а на то, чтобы «провести» предложение через органы местного самоуправления – обосновать проекты перед депутатами, добиться понимания и сочувствия местных администраторов. И в этой борьбе неизбежно приходится идти на уступки, жертвуя геральдическим качеством в угоду общественным представлениям. Пожалуй, главным следствием этого конфликта является то, что доминирующей характеристикой современных российских муниципальных гербов является сложность.

Что мы понимаем под «сложностью»? Насыщенность композиции герба цветами и фигурами – «многоцветие» и «многофигурность». Изобилие в гербе деталей и частностей. Сложная структура поля. Сложное взаиморасположение фигур. Зафиксированные описанием формы, более свойственные орнаменталистике, чем геральдике.

Возьмем для примера несколько субъектов Российской Федерации и взглянем на их муниципальные гербы статистически. Поскольку для этого требуются какие-то формальные показатели, определим как «сложные» гербы, в композиции которых наличествует четыре и более цветов и (или) четыре и более фигур.

При взгляде на Воронежскую область получаем: всего внесено в Государственный геральдический регистр Российской Федерации 97 гербов, из них старых – 8, простых – 14, сложных – 75. В Волгоградской области зарегистрировано 184 герба, из них старых – 1, простых – 23, сложных – 160. В Камчатском крае зарегистрировано 17 гербов, из них старых – 1, сложных – 16. В Краснодарском крае зарегистрировано 472 герба, из них старых – 3, простых (с допусками) – 44, сложных – 425. В Ленинградской области зарегистрировано 217 гербов, из них старых – 12, простых – 66, сложных – 139. В Омской области зарегистрировано 12 гербов, из них старых – 2, сложных – 10. В Псковской области зарегистрировано 29 гербов, из них старых – 8, простых – 7, сложных – 14. В Тамбовской области зарегистрировано 44 герба, из них старых – 3, простых – 11, сложных – 30. В Республике Татарстан зарегистрировано 53 герба, из них старых – 6,

простых – 11, сложных – 36. В Челябинской области зарегистрировано 67 гербов, из них старых – 3, простых – 25, сложных – 39. В Ярославской области зарегистрировано 23 герба, из них старых – 9, простых – 4, сложных – 10.

Позволим себе ограничить на этом обзор и не приводить процентных исчислений. Абсолютные цифры и без того достаточно показательны: в большей или меньшей степени, в зависимости от региона, сложные гербы доминируют повсеместно. И это только по итогам весьма формальной выборки. Если учитывать, что и из двух-трех цветов и двух-трех фигур при условии сложного членения поля и замысловатого расположения фигур можно получить герб, никак не подходящий под понятие «простого» (и таких гербов немало среди созданных в последние 25 лет), то доминанта сложного выступит еще более выпукло.

К чему приводит увлечение сложностью? Как ни странно, в первую очередь к безликости. На первый взгляд, чем более сложен герб, тем больше он оставляет возможностей для оригинального решения, но на деле происходит наоборот. Чем более герб склоняется к формуле «сложный», тем более он оказывается стереотипным, невыразительным. И объясняется это вполне очевидно. Увлечение сложностью имеет источником общественные взгляды на герб. Соответственно, усложнение гербов происходит в угоду этим взглядам, а следовательно, осуществляется за счет свойственных этим взглядам стереотипных средств – вроде непременного добавления в герб пресловутых колосьев, обязательного отражения концерта хозяйственных отраслей и т. п. В результате по современным сложным гербам взгляд, за редким исключением, скользит мимоходом, не в силах остановиться, сфокусироваться, чем-то заинтересоваться, запомнить. Истина, что чем сложнее герб – тем менее он функционален, относится к числу прописных в геральдическом ремесле. То, что она подтверждается современной российской геральдической практикой, конечно, величественно с точки зрения понимания мудрости классической геральдики, но весьма прискорбно с точки зрения оценки уровня геральдической культуры мира, в котором нам приходится жить. Вновь и вновь определяющим фактором при создании гербов становится не функциональность, жизнеспособность и практичность, а общественные предрассудки, опираясь на которые в любом деле возможно добиться не качественного итога, но лишь некоего «полурешения».

Обрисованная нами картина, конечно, не абсолютна и не столь пессимистична, как может показаться на первый взгляд. Само по себе гигантское гербовое строительство последних лет, возрождение большинства старых гербов, множество (весьма внушительное множество!) прекрасных современных разработок – все это явления более чем отрадные, рисующие наше время самыми теплыми и положительными красками. Но хотим мы того или нет, геральдика остается удивительным зеркалом, глядя в которое можно многое понять о себе, своем времени и обществе очевидно и даже беспощадно. Россия остается страной, в которой обывательский взгляд на вещи, основанный на советской ментальности, является превалирующим при решении дел управления. И муниципальные гербы служат тому неопровержимым доказательством. Сильные, смелые, оригинальные и действенные достижения все-таки остаются редкостью. «Магия сложного» – определяющее веяние в современном геральдическом строительстве – приводит к тому, что окружающий нас мир знаков предстает посредственным, а геральдическая культура – непременная составляющая культуры национальной – по-прежнему остается чем-то непонятым, малоразвитым и чуждым российскому обществу.

[1] «Старинными» мы называем гербы, существовавшие у городов и территорий до установления на них советской власти: то есть для большей части России – до 1917 года, для территорий, пограничных с Финляндией и Калининградской областью, – до их включения в состав СССР в 1944–1945 годах.

[2] С современной ситуацией сопоставим период 1770–1780-х годов, когда в ходе знаменитой реформы внутреннего управления императрицы Екатерины II осуществлялась работа по обеспечению гербами всех российских городов. Если подходить к вопросу относительно, то есть оценивая процент гербов, созданных или подтвержденных (воссозданных) для всех имеющих право на герб субъектов, то екатерининский «гербовый бум» превосходит современный: в XVIII веке за четверть века получили гербы более 90 % потенциальных владельцев. В настоящее время гербы имеет примерно четверть муниципальных образований. Но в абсолютном исчислении ситуации несравнимы: в Российской империи правом на герб пользовалось около 500 городов (соответственно, пожаловано или подтверждено около пяти сотен гербов), в современной России это право принадлежит примерно 20 000 муниципалитетов (и около 5000 это право реализовали).

[3] Мы называем советские городские знаки «псевдогербами», поскольку понимаем герб как опознавательный знак, составленный по правилам геральдики. Советские городские знаки этим правилам не соответствовали. Кстати, обозначение «гербом» любого государственного, городского или территориального опознавательного знака вне зависимости от принципов его составления, а с опорой исключительно на его функцию – еще одно удивительно стойкое предубеждение, порожденное советской знаковой практикой и доминантой герба СССР.

[4] Впрочем, советский герб изначально не мыслился как опознавательный знак. Опознавательный знак может существовать в ряду других подобных, то есть государственный герб – в ряду других государственных гербов. СССР мыслился создателями как единое и последнее государство – государство, которое со временем должно поглотить и включить в себя все страны мира. Таким образом, СССР должен был остаться единственным государственным образованием на земном шаре, а значит, и задача его обозначения, выделения среди других снималась – «других» в конце концов просто не должно было остаться. Следовательно, и символ СССР создавался с совсем другими целями, нежели классические гербы, – задача выделять своего хозяина среди других для него не ставилась.

[5] *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России, XII–XIX вв. М., 1974.

[6] *Винклер П. П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. Впрочем, поскольку сборник фон Винклера был в советское время относительно труднодоступен, непосредственным источником для значков служили скорее опирающиеся на него альбом Н. Н. Сперансова и публикации в журнале «Наука и жизнь».

[7] Постановление Правительства Российской Федерации № 102 от 20.02.1992 «О Государственной геральдической службе Российской Федерации».

[8] Указ Президента Российской Федерации № 1539 от 25.07.1994 «О Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации».

[9] Указ Президента Российской Федерации № 856 от 29.06.1999 «О Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации».

[10] Указ Президента Российской Федерации № 403 от 21.03.1996 «О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации».

[11] Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 9.